

О.Н. Новикова

Терроризм «одиноких волков»

Аннотация. В статье дается оценка угрозы терроризма одиночек, анализируются основные характеристики этого явления. Особое внимание уделено выявлению связей между возвращающимися иностранными боевиками, людьми, поддерживающими ИГ, и террористами-одиночками.

Abstract. The article is providing insights into the threat of lone-actor terrorism and aims to define and analyze the main features and patterns of this phenomenon. Specific examination is made of the confluence between returning foreign fighters, domestic Daesh supporters, and the lone-actor terrorists.

Ключевые слова: терроризм «одиноких волков», террористы-одиночки, международный терроризм, насильственный экстремизм, правый экстремизм, исланизм, террористические нападения.

Keywords: lone wolf terrorism, lone-actor terrorists, transnational terrorism, violent extremism, far-right extremism, Islamism, terrorist attacks.

Деятельности международных террористических организаций на территории Европы посвящена большая часть современных исследований в области терроризма, однако оказалось, что в мире уже не так распространены сложноорганизованные и непосредственно руководимые извне заговоры. В последнее время (с 2006 г.) 70% всех убийств, осуществленных в результате террористической активности, совершались «одинокими

ми волками» (остальные – не идентифицированы или осуществлены группами более трех человек) [Global terrorism., 2015, p. 5]¹. Если говорить о новейшей истории деятельности «одиноких волков», то, согласно имеющимся данным, за период с 1 января 2000 г. по 31 декабря 2014 г. террористы-одиночки убили 195 человек и ранили 284 в 30 странах Европы. Из 72 «успешных» нападений 24 (33,3%) были с летальным исходом [Palombi, Gomis, 2016, p. 1]. Всего с января 2000 г. до конца 2014 г. террористы-одиночки осуществили 96 террористических нападений, включая 12 нападений, совершенных ячейками, состоящими из двух террористов, и семь – из трех [Lone-actor terrorism., 2016, p. 5]. Больше всего нападений за это время было произведено в Великобритании и Франции: 38 и 11 соответственно [Ibid.]. При этом количество нападений «одиноких волков» неуклонно растет, и сейчас их преступления находятся буквально «на гребне» террористической волны, захлестнувшей Европу.

«Одинокие волки» – феномен не новый. Проявления терроризма такого рода имели место еще в XIX в.: в то время они были спровоцированы идеологией анархизма. Анархисты-одиночки осуществляли различные террористические акты, направленные против отдельных личностей и институтов, олицетворяющих самодержавие. Во второй половине XX в. терроризм «одиноких волков» ассоциировался главным образом с расистами и антиправительственными экстремистами в Соединенных Штатах, особенно с приверженцами концепции «безлидерского» сопротивления (см.: [Kaplan, 1997]). Стратегия «безлидерского» сопротивления популяризовалась сторонником идеологии «белого превосходства» Луисом Бимом, членом Ку-клукс-клана, имевшим тесные связи с нацистской группировкой «Арийские нации». Считается, что тер-

¹ Сам термин «одинокий волк» («lone wolf»), несмотря на его распространенность в научных исследованиях, нередко подвергается критике в основном представителями правоприменительных структур, которые заявляют, что он поэтизирует этот тип террористической активности. С этим согласны и многие эксперты [Spruij, 2015, p. 168]. Нужно отметить, что в документах ООН используется термин «lone-actor terrorist» с возможным переводом «террорист-одиночка».

мин «одинокие волки» получил известность в конце 1990-х годов после публикации работ расистов Тома Мецгера и Алекса Куртиса [Spraaij, 2010, p. 859].

Если же говорить об определении терроризма одиночек, то его самая распространенная версия выглядит следующим образом: *угроза или применение насилия одним идеологически мотивированным преступником, имеющим целью повлиять на широкую общественность и действующим без какой-либо поддержки при планировании, подготовке и проведении террористического нападения, чье решение действовать не продиктовано какой-либо группой или другими лицами* [Bakker, de Roy van Zuijdewijn, 2015, p. 9].

В этом определении заложены ограничения, которые дают повод для дискуссии, например, учитывается лишь количественный показатель (один участник теракта) и факт самостоятельности и независимости террориста, но не принимаются во внимание случаи наличия у террориста психических заболеваний.

Существует и расширенное определение террористов-одиночек. Оно включает и маленькие ячейки, и индивидов, которые могут не быть ясным образом идеологически мотивированы (например, преступников, осуществляющих расстрелы в школах, а также выступающих с заявлениями, касающимися определенных социально-политических обстоятельств). Две трети террористов-одиночек никогда не были членами экстремистских группировок, однако оставшаяся треть поддерживала отношения с группами, защищающими право применять насилие во имя идеи [Lone-actor terrorism., 2016, p. 12]. Итак, приведу расширенное определение терроризма одиночек: *угроза или применение насилия одним преступником (или маленькой ячейкой), действующим не из личных корыстных интересов, имеющим целью повлиять на широкую общественность и осуществляющим террористическое нападение без какой-либо прямой поддержки при его планировании, подготовке и проведении, чье решение не продиктовано какой-либо группой или другими лицами (но может быть вдохновлено ими)* [Bakker, de Roy van Zuijdewijn, 2015, p. 9].

Рассматривая оба определения, мы наблюдаем расхождение между ними, касающееся степени изоляции террористов-одиночек. Об абсолютной независимости террориста-одиночки вообще не может идти речь. Самостоятельность при проведении теракта не

означает, что террорист не испытывает вообще никакого внешнего влияния при принятии решения о его совершении. Это влияние может быть не прямое, а опосредованное, что особенно очевидно, когда речь идет о приверженности идеологии, которая может подталкивать индивида к насильственным действиям. При этом граница между вдохновляющей идеей, побуждающей к действию, внутренней склонностью к ней и прямым воздействием извне очень зыбка. Насколько же одинок террорист-одиночка?

Поскольку, согласно определению, террорист-одиночка не имеет прямого контакта с руководящими и контролирующими террористическими структурами, т.е. работает без какой-либо оперативной поддержки при планировании, подготовке и проведении террористического нападения, можно утверждать, что он не пользуется *прямой* поддержкой террористических организаций, например, помощью при пересечении границ в целях получения необходимых навыков во взрывном деле в тренировочных лагерях террористов. Однако он может штудировать учебные пособия по терроризму, выложенные террористическими группировками на своих сайтах в Интернете, или следовать призывам известных исламистских проповедников. Таким образом, очевидно, что существуют различные формы оперативной помощи «одиноким волкам» со стороны террористических организаций. Поэтому среди экспертов нет общего мнения относительно того, какая степень контактирования с террористической сетью приемлема, чтобы считать террориста «одиноким волком», а также по поводу того, могут ли два или три человека, образующие маленькую ячейку, считаться «одинокими волками» в том случае, если они действуют самостоятельно, не под руководством террористических сетей.

Террористические акты, осуществляющиеся «одинокими волками», значительно труднее предотвратить, чем подготовленные террористическими организациями. Это понимают их руководители, и интенсификация деятельности «одиноких волков» во многом объясняется решимостью террористических групп использовать тактику террористов-одиночек, к чему они и призывают своих сторонников. Например, «Аль-Каида на Аравийском полуострове» размещает инструкции по изготовлению взрывных уст-

роЙств для террористов-одиночек и мелких ячеек на страницах своего журнала «Инспайр» («Inspire»). Джихадистский «Телеграм ченнел» («Telegram channel») снабжает «одиноких волков» информацией о методах и целях будущих нападений [Jihadist Telegram., 2016]. Публикуются материалы, призывающие «одиноких волков» на Западе превратить праздники в дни «террора и крови» [Pro-IS group., 2016]. В 62-м выпуске своей газеты «Аль-Наба», называя «одиноких волков» армией одного человека, «Исламское государство» подстрекает мусульман следовать примеру нападений в Берлине, Ницце и Орландо, а также в Стамбуле [IS promotes., 2017]. Официальный представитель ИГ по работе со СМИ¹ Абу Мухаммад аль-Аднани еще 21 сентября 2014 г. призывал своих сторонников превратиться в «одиноких волков» и осуществлять нападения, особенно если они не могут приехать в Сирию [Zarate, 2016, p. 6]. Заметим, что, хотя некоторые террористы-одиночки находятся под идеологическим влиянием «Исламского государства» и когда-то ранее могли иметь связи с ядром ИГ или другими террористическими группировками, в целом «одинокое волки» действуют по собственному усмотрению, а не под их началом.

Известно, террористами-одиночками становятся не только религиозно мотивированные люди, но и активно проявляющие себя в Европе носители крайне правой идеологии. Для обозначения террористов различной ориентации Европол, например, использует целый ряд категорий²: «этнонационалисты и сепаратисты», «левые и анархисты», «правые», «частные случаи», «другие» и «неизвестные». Выявлено, что в результате нападений правых экстремистов (включая Брейвика) с начала 2000 г. до конца 2014 г. погибли 94 человека и 260 были ранены. В то же время в результате нападений, совершенных по причинам религиозного характера, были убиты 16 человек и ранены 65 [Lone-actor terrorism., 2016, p. 8]. В целом на Западе до начала 2015 г. 80% террористов-одиночек были причислены к правым экстремистам, националистам, антиправительственным элементам и носителям других форм поли-

¹ До 30 августа 2016 г., когда он был убит.

² См.: [European Union., 2015].

тического экстремизма, а не к экстремизму с религиозными корнями [Global terrorism., 2015, p. 3]. А жертвами нападений по религиозным мотивам до 2015 г. были по большей части мусульмане.

Большинство «одиноких волков» правоэкстремистской ориентации разделяют антииммигрантские и исламофобские взгляды, часто подкрепленные убеждением в превосходстве «белого» человека. Здесь нужно заметить, что есть одна проблема, связанная с определением и правильной классификацией терроризма крайне правой направленности. Многие акты правого терроризма рассматриваются как «преступления на почве ненависти», которые имеют сходные с терроризмом характеристики. Преступления на почве ненависти – это преступные действия, вызванные предрасудками или предубеждением в отношении конкретной группы лиц. Таким образом, лицо, совершающее преступление на почве ненависти, выбирает жертву по признаку ее принадлежности или предполагаемой принадлежности к определенной группе. Эти преступления могут, например, иметь целью терроризировать или запугивать словесно целую группу, что можно расценить как специфическое проявление терроризма. Теракты и преступления на почве ненависти сближает, во-первых, то, что в обоих случаях они направлены против определенной группы и не связаны с поведением конкретной жертвы и, во-вторых, в обоих случаях они преследуют цель запугать группу, которой принадлежит жертва, а не саму жертву насилия. Но есть и существенные различия. Для преступлений на почве ненависти характерны отсутствие планирования и спонтанность, направленность против группы меньшинства, отсутствие публичности. Преступления на почве ненависти наносят вред обществу, сокрушая его нормы и посягая на такие ценности, как равенство, свобода и основные права человека. Роднят же эти два типа преступлений главным образом их последствия – посеянный страх, а также способы осуществления преступлений.

В свете миграционного кризиса, захлестнувшего сейчас Европу, угроза насильственных действий правоэкстремистского толка возрастает. Поэтому сейчас очень важно обеспечить сбалансированное освещение событий, связанных с увеличением уровня террористической угрозы, в средствах массовой информации, притом

что сейчас СМИ в основном концентрируются на освещении террористических нападений исламистского характера. Политикам, высказывающимся относительно кризиса беженцев, нужно быть аккуратнее в выражениях, чтобы не давать повода к укоренению у населения праворадикальных настроений, проявлениями которых стали поджоги в лагерях и центрах помощи беженцам и бездомным. Например, в Германии в конце 2015 г. было зарегистрировано 222 нападения на центры для беженцев [Staufenberg, 2015]. Последствия кризиса беженцев дают о себе знать, в частности, в виде резкого увеличения влияния правопопулистских политических партий, например Национального фронта во Франции и политического движения PEGIDA («Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes»¹).

Подавляющее число террористов пытаются в устной или письменной форме объяснить причины своих действий. Обычно это происходит за несколько часов до осуществления теракта или во время ареста. Что касается правых террористов, то они делают акцент на порочной иммиграционной политике властей, играют на чувстве патриотизма и утверждают, что защищают свою страну от «исламизации». Это, между прочим, отражает сдвиг, происшедший в праворадикальном движении, которое ныне осуждает нацизм, фашизм, антисемитизм, определяя свою новую цель – защиту от ислама. Тем не менее остается определенное число одиночек-террористов, по-прежнему увлеченных одиозными идеями крайне правых фигур и неонацистской символикой. В Великобритании в ответ на убийство Ли Ригби имели место поджоги и взрывы в исламских центрах, осуществленные правыми экстремистами.

Что же касается террористов-одиночек с религиозной мотивацией, они объясняют свои действия мстью западным странам за их политику на Ближнем и Среднем Востоке, за поддержку Израиля или за жестокое обращение с подозреваемыми в терроризме в иракской тюрьме Абу Грейб, или за карикатуры на пророка Мухаммада.

¹ «Европейские патриоты против исламизации Запада».

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что при выборе жертв на террористов-одиночек решающее влияние оказывает идеология. Они выбирают тех, кто, по их мнению, «заслуживает» нападения. Выбор цели совмещается с их политическими убеждениями и совпадает с образом врага. При этом, хотя от рук правых экстремистов пало большее количество жертв, террористов-одиночек, нападавших на гражданских лиц и действовавших по религиозным мотивам, было больше в процентном отношении (37%) (из правозэкстремистских побуждений нападало 25%, атаковавших школы было 20%) [Lone-actor terrorism., 2016, p. 8].

Главные мишени террористов-одиночек – гражданские лица, представители различных рас и этнических групп (азиаты, чернокожие, белые, цыгане, евреи), а также иммигранты и соискатели убежищ. Правительственные учреждения лишь в 17% случаев оказываются целями атакующих [Palombi, Gomis, 2016, p. 3]. Причины нападения именно на гражданских лиц могут быть объяснены двояко. С одной стороны, правительственные объекты охраняются и на них труднее организовать нападение. С другой стороны, террористы преследуют цель посеять панику именно среди гражданского населения. В целом можно сделать вывод, что выбор цели нападения определяется двумя факторами: ограниченностью ресурсов и уровнем радикализации нападающего, т.е. его слабостью и его идеологией. При этом стремление получить поддержку общества играет второстепенную роль [Becker, 2014, p. 970–971].

Какой он, террорист-одиночка?

Можно ли выявить основные черты и особенности террориста-одиночки?

Что касается возраста, то подсчитано, что средний возраст террористов-одиночек – 29,7 года. Этим доказывается ложность утверждения, что все преступники такого типа очень молоды (см., напр.: [Meloy, Yakeley, 2014, p. 351]). Однако была выявлена следующая закономерность: представители старшей возрастной категории (более 40 лет) в почти половине исследованных случаев руководствовались крайне правой идеологией, в то время как более молодые преступники, тоже почти в половине случаев, действова-

ли под влиянием определенных установок религиозного характера [De Roy van Zuijdewijn, Bakker, 2016, p. 9].

Можно было бы предположить, что террористы-одиночки – это люди с военным опытом. Выяснилось, однако, что это предположение неверно и касается лишь иностранных боевиков-террористов, связанных с террористическими организациями, которые обеспечивают им поддержку и обучают в тренировочных лагерях, а не «одиноких волков». В исследованных случаях было зафиксировано, что только 22 террориста-одиночки имели опыт в военном деле. Из них 13 прошли военную службу официально, четверо тренировались нелегально, три получили военную подготовку в легальных частных военных структурах, двое имели военную подготовку, но детали о ней неизвестны [Palombi, Gomis, 2016, p. 7]. Казалось бы, террористы с военной подготовкой и опытом участия в военных действиях могут быть более «эффективными» при нападениях с большим числом жертв. Однако теракт Брейвика, повлекший за собой многочисленные жертвы, показал, что террорист-одиночка без военного опыта может быть не менее опасен, чем опытный боевик. В то же время выяснилось, что, если нападение планирует террорист с опытом ведения военных действий, оно предотвращается лишь в 18% случаев. Это значит, что боевой опыт помогает террористу не обнаружить себя на стадии планирования и подготовки теракта. Поэтому можно сделать вывод, что военная подготовка представляет собой лишь дополнительный фактор, а не самостоятельный индикатор при рассмотрении угроз, исходящих от «одиноких волков».

Неожиданным оказался тот факт, что террористы-одиночки в основном употребляли для нападений огнестрельное оружие, а не взрывные устройства. От взрывов погибло не более 4% жертв. Представляется, что это связано со сложностью квалифицированного изготовления взрывчатого устройства. В целом можно сказать, что угроза, исходящая от террористов-одиночек, на первый взгляд, кажется не слишком большой, но эффективность их нападений очень высока, если они имеют доступ к огнестрельному оружию. Знаменательно, что в странах с более либеральным законодательством в отношении легального ношения огнестрельного оружия

выявлены более высокие показатели использования огнестрельного оружия террористами-одиночками. Из всех единиц огнестрельного оружия, использованных во время террористических атак, 38% легально принадлежали нападавшим [Lone-actor terrorism., 2016, p. 9]. Большую обеспокоенность вызывают результаты одного из исследований, которые показывают, что из 15 террористов-одиночек, имевших разрешения на владение огнестрельным оружием, 8 страдали от психических нарушений [De Roy van Zuijdewijn, Bakker, 2016, p. 11].

Террорист – психически больной человек?

Иногда кажется, что теракты совершают психически нездоровые люди. И действительно, результаты очень многих исследований доказывают, что психически больные люди обычно более склонны к насилию, чем здоровые.

За годы изучения мотивов осуществления террористических актов исследователи неоднократно переходили от одной крайней позиции («они все психически больны») к совершенно противоположной («по определению, террорист не может быть психически больным»). Действительность оказалась сложнее. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), полученным в результате исследований, проведенных в странах ЕС, Норвегии, Исландии и Швейцарии, 27% процентов населения (18–65 лет) в 2016 г. страдали хотя бы от одного вида психических нарушений, включая психозы, депрессии, тревожность, проблемы, возникающие в связи со злоупотреблением алкоголем и наркотиками, и нарушения, связанные с приемом пищи [Data., 2016].

Проводились исследования, доказывающие, что эти заболевания особенно характерны именно для террористов-одиночек, а не для членов террористических организаций [Corner, Gill, 2015, p. 30]. Таким образом, становится понятно, почему психически нездоровые террористы ассоциируются с террористами-одиночками, а не с членами террористических группировок. Приблизительно в 35% случаев нападений, осуществленных террористами-одиночками, у исполнителей терактов были зафиксированы нарушения психики [Lone-actor terrorism., 2016, p. 17], что не является большим откло-

нением от данных ВОЗ, касающихся населения большинства европейских стран¹.

Страдающий психическими отклонениями террорист-одиночка весьма восприимчив к влиянию, оказываемому на него ближайшим социальным окружением, например супругом (супругой), связанным с каким-либо идеологическим движением. Другой отличительной особенностью нападений психически неустойчивых «одиноких волков» является то, что их действия направлены на поражение целей и людей, которых они считают виновными в собственных несчастьях. Интересно отметить, что 63% «школьных стрелков» страдали разными видами психических заболеваний [Lone-actor terrorism., 2016, p. 17]. В то же время процент психически больных террористов-одиночек с религиозной мотивацией минимален. То есть террористы-одиночки с психическими отклонениями совершают преступление, как правило, не под влиянием какой-нибудь определенной идеологии (религиозной или крайне правой), а движимые другими идеями. Какими? У такого преступника может быть своя собственная идеологическая концепция, «слепленная» из разных идей. Или он может быть вовсе идеологически не мотивирован, и в этом случае чаще всего движим чувством личного разочарования и неудовлетворенности, иногда – стремлением к справедливости. Многие акты насилия бывают вовсе не связаны с собственной судьбой преступника, а мотивированы исключительно процессом его самоидентификации с определенной социальной, этнической или религиозной группой [Meloy, Yakeley, 2014, p. 352].

Иногда самоидентификация террориста-одиночки со страдающей группой людей служит эмоциональной подпиткой для осознания собственных несчастий. А собственные беды запускают механизм психологической защиты – обвинение других и отрицание своей персональной ответственности. Мораль приобретает

¹ *Надо отметить, что не всегда в распоряжении исследователей имелись официальные документы, удостоверяющие наличие болезни у преступника. Чаще всего лица его ближайшего окружения – семья, друзья, коллеги – указывали, что преступник ранее лечился от психических расстройств или страдает от такого рода недугов.*

форму примитивного выбора между добром и злом – между положительными и отрицательными явлениями, не допуская мысли, что многие явления имеют как положительные, так и отрицательные свойства. Эти защитные механизмы можно рассматривать как симптомы патологического нарциссизма, когда все хорошее сосредоточено внутри, а все плохое – вовне. Часто поведение террориста-одиночки объясняется наличием этого диагноза, который предполагает жестокое желание убить других людей во имя идеи.

При этом надо отметить, что в жизни многих людей случаются знаменательные события негативного свойства, меняющие всю их судьбу, например, потеря родителей в молодом возрасте. Тем не менее в исследованиях, посвященных данной проблеме, чаще делается вывод о том, что такие случаи не становятся причиной радикализации и не ведут к проявлениям насилия со стороны индивида [Lone-actor terrorism., 2016, p. 16].

Террорист-одиночка живет в обстановке социальной изоляции?

Периодически повторяющаяся тема в научной литературе, касающейся «одиноких волков», – проблема их социальной изоляции. Здесь наблюдаются значительные расхождения в исследованиях, проведенных разными авторами. Одни исследователи утверждают, что 52,9% террористов-одиночек социально изолированы [Corner, Gill, 2015, p. 31]. В соответствии с другими исследованиями только 29% всех преступников были в каком-то плане изолированы от общества, причем среди правых террористов социально изолированных было 33%, а среди религиозно мотивированных – всего 9%. Что же касается «школьных стрелков», то от изоляции страдали 75% из них [Lone-actor terrorism., 2016, p. 16].

В свое время была выдвинута гипотеза, что душевно больные люди больше изолированы от общества, чем здоровые, но в современных работах доказывается, что это не так: психически больные преступники не более изолированы от общества, чем здоровые [Corner, Gill, 2015, p. 31]. Все полученные данные свидетельствуют о том, что специалисты, занимающиеся душевными болезнями, могли бы играть важную роль в деле предотвращения преступной

деятельности террористов-одиночек. Но надо учитывать, что 2/3 психически больных людей никогда не обращаются за медицинской помощью и во многих сообществах (в том числе – некоторых религиозных) не принято открыто говорить о проблемах, связанных с психическим здоровьем.

Каковы методы борьбы с террористами-одиночками?

Особую сложность представляет проблема выявления террористов-одиночек. Для того чтобы ее решить, нужно понимать, что они не живут в условиях социального вакуума.

Для выявления террористов-одиночек важно знать, где именно они готовятся к теракту. Согласно результатам проведенного исследования, из 34 террористов, имевших безопасные места жительства, 13 проживали с семьями или с соседями (условия проживания остальных не установлены) [Palombi, Gomis, 2016, p. 8]. Отсюда следует, что проживавшие с террористом люди были безразличны к тому, чем он занимается, или не знали об этом. Возможно, он обеспечивал скрытность своей деятельности, запирая свою комнату. Было выявлено, что террористы, применявшие огнестрельное оружие во время нападения, не располагали безопасными и надежными убежищами, а подобные убежища, как можно предположить, использовали главным образом те, кто изготавливал взрывные устройства.

Существует целый ряд признаков, по которым можно разгадать намерения террористов. Накануне проведения терактов в поведении потенциальных преступников происходят определенные изменения: они допускают спонтанные высказывания радикального характера, их намерения угадываются во время контактов с властями, т.е. их радикализация проявляется в высказываниях политического свойства или в поисках словесной или физической конфронтации с врагами. Другими словами, «одинокие волки» зачастую «оповещают» о своем намерении совершить насилие. Около половины всех преступников перед терактом вольно или невольно допускают «утечку» свидетельств, указывающих на их экстремистские взгляды, причем иногда это даже откровенные угрозы совершить теракт. При этом для преступников с религиозной

мотивацией характерна «утечка» информации друзьям и членам семей, а праворадикальных экстремистов чаще выдают их высказывания в Интернете. 40% экстремистов праворадикального толка были разоблачены случайно, часто в процессе расследования других нарушений с их стороны [Ellis, Pantucci, 2016, p. 5]. Бывали случаи, когда после непроизвольного срабатывания взрывного устройства преступник попадал в больницу, и это привлекало внимание спецслужб. В целом же спецслужбы уделяют первостепенное внимание не угрозе в лице ультраправых, а экстремистам религиозной направленности, что соответствует восприятию угроз странами ЕС.

Оказалось, что люди, которые прежде других замечают признаки подготовки актов насилия, – это друзья террористов, а не члены семей, священники или консультанты в области общего, профессионального и школьного образования, как можно было бы подумать. Но друзья террориста, боясь последствий, редко информируют об этом соответствующие специальные службы. Они не хотят об этом рассказать даже священнослужителям или родственникам потенциального преступника и не пытаются отговорить его от совершения насильственных действий. Связано это с их опасением разрушить дружеские отношения. И чем выше уровень самоидентификации потенциального преступника с друзьями и родственниками, тем менее они склонны вмешаться и тем менее способны распознать признаки готовящегося теракта (см: [Williams, Horgan, Evans, 2016]).

Изучая терроризм, нельзя пройти мимо такого явления, как «взаимная радикализация»: терроризм на религиозной почве провоцирует спонтанную реакцию правых экстремистов, и, в свою очередь, крайне правый дискурс в отношении отдельных религиозных групп порождает ответ в виде джихадистской пропаганды. Кроме того, преступления террористов-одиночек часто имеют следствием теракты подражателей, вдохновленных той же идеей или копирующих тактику преступления.

Большинство террористов-одиночек (58%) в своей жизни до теракта не проявляли политической активности. Нужно отметить, что террористы-одиночки правэкстремистского толка были в большей степени политически активны, чем «одинокие волки» с

религиозной мотивацией [Lone-actor terrorism., 2016, p. 12]. Но из тех, кто как-то вовлечен в политику, около половины осуществляют контакт со своими политическими единомышленниками, обмениваясь экстремистской политической литературой и информацией экстремистского характера через социальные сети, загружают из Интернета видео, фотографии, статьи. Интернет для них – суррогат некоего сообщества, к которому, как кажется террористам-одиночкам, они принадлежат. В Интернете им предоставляется тактическая поддержка, помощь в поисках объемной и детализированной информации при подготовке теракта¹. Заметим, что члены террористических организаций, в отличие от «одиноких волков», имеют и другие возможности для подготовки, – например, возможности обучения в тренировочных лагерях и получения необходимой информации от членов террористических организаций. Таким образом, активность в Интернете – отличительная черта прежде всего террористов-одиночек. Использование Интернета дает им ряд преимуществ, но в то же время предоставляет спецслужбам дополнительные возможности для их выявления и отслеживания.

В европейских странах ведется работа по выявлению и уничтожению подозрительного онлайн-контента. В рамках Европола существует специальное подразделение (EU Internet Referral Unit), которое имеет целью выявление такого контента, извещение соответствующих платформ и площадок с последующей просьбой удалить экстремистский контент и закрыть аккаунты джихадистов, а также анализ его содержания и уведомление властей отдельных стран, с тем чтобы они, при необходимости, начали уголовное преследование. Но подобные меры направлены на подавление онлайн-экстремизма в целом. Что же касается целенаправленной борьбы с террористами-одиночками, то в этом наибольшую пользу могут принести другие пользователи социальных сетей, способные заметить «утечку» информации от потенциальных преступников. Поэтому необходимо создавать механизмы, которые могут помочь

¹ Скачивание учебников, просмотр обучающих видеороликов, планы внутренних помещений зданий, определение адресов для поиска потенциальных жертв.

пользователям распознать признаки готовящегося теракта и сообщить о нем.

Методы физической защиты потенциальных жертв нападения вряд ли могут быть эффективными, и ужесточение их или попросту невозможно, или приведет к секьюритизации с нежелательными последствиями для всего общества в целом. Конечно, предотвращение и подавление заговоров – первостепенная задача в борьбе с терроризмом, но прежде всего необходимо создать в обществе условия для преодоления кризисов, в частности в таких областях, как здравоохранение, изменить подходы в сфере коммуникаций и проведения следствия. После террористических нападений нужно поддерживать в обществе взвешенный и толерантный дискурс, особенно в отношении мусульманских и других религиозных и этнических меньшинств. Это необходимо для того, чтобы уменьшить риск последующих нападений, которые могут совершить подражатели или люди, движимые чувством мести.

Кроме решения упомянутых выше общих стратегических задач, необходимо параллельно решать и практические задачи по выявлению террористов-одиночек на этапе, предшествующем нападению. Для этого нужно анализировать поведение индивидов, вызывающих определенные подозрения, отмечая, насколько более радикальными стали их взгляды и насколько они готовы к насилию. Английские специалисты, используя в подобном анализе три критерия – приверженность какому-то делу или идеологии, намерение причинить вред, возможность это сделать, – выявили 22 фактора, говорящих об изменении поведения человека [Protecting vulnerable., 2015, p. 11–12]. В целом, согласно проведенным исследованиям, у 34% террористов-одиночек наблюдались изменения в поведении. При этом 50% из них вдохновлялись религиозными идеями и только 15% – праворадикальными. Изменения в поведении проявлялись прежде всего в отдалении от членов семьи, резких и значительных сдвигах во взглядах, а также, что особенно важно, в изменении своей социальной группы и в смене стиля одежды [Ellis, Pantucci, 2016, p. 4].

Заключение

Как человек становится «одиноким волком»? Для того чтобы ответить на этот вопрос, в настоящей статье были рассмотрены три основные темы: причины и механизм радикализации, восприимчивость к радикальному дискурсу и индивидуальная мотивация. Радикализация террористов-одиночек – длительный процесс, который ускоряется при интенсивном использовании определенных сегментов Интернета экстремистской направленности или под влиянием окружения, зараженного идеями, связанными с применением насилия. Восприимчивость к подобным идеям часто объясняется психологическим складом личности, психическим нездоровьем, стремлением получить признание своей группы идентификации, которая, по мнению потенциального террориста, подвергается гонениям и ведет праведную жизнь, но может диктоваться и социальным контекстом – социальной изоляцией и утратой возможностей для удовлетворения потребностей личности. Поэтому государство должно эффективно реализовывать программу приема беженцев, работать с диаспорами, с тем чтобы мусульманское население не было маргинализировано и отдельные индивиды не чувствовали себя изолированными от общества. Исследования показывают, что иногда самоизоляция – это признак экстремистских настроений и даже готовности к активным противоправным действиям, а иногда – психических отклонений. Полиция должна обращать внимание на таких людей. Кроме того, широкой общественности следует предоставить информацию, помогающую распознать экстремистское поведение. Надо убеждать людей в необходимости сообщать об этом правоохранительным органам.

Для противодействия экстремистам правых убеждений очевидна эффективность использования возможностей Интернета, – в частности, создание системы передачи тревожной информации от отдельных пользователей к органам власти. Террористы-одиночки активны в социальных сетях, и, отслеживая их высказывания, можно выявлять экстремистские убеждения потенциальных преступников.

Что же касается выявления экстремистов религиозно ориентированных, то для решения этой задачи необходимо активно ра-

ботать с религиозными общинами и налаживать отношения доверия между ними и полицией. Однако эффективно бороться с агрессией религиозно ориентированных «одиноких волков» будет по-прежнему очень трудно, если отдельные западные страны не скорректируют свою нынешнюю политику на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Список литературы

Bakker E., de Roy van Zuijdewijn J. Lone-actor terrorism: Definitional workshop // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2015. – December, N 2. – 9 p.

Becker M. Explaining lone wolf target selection in the United States // Studies in conflict and terrorism. – Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis, 2014. – Vol. 37, Issue 11. – P. 959-978.

Corner E., Gill P. A false dichotomy? Mental illness and lone-actor terrorism // Law and human behavior / American Psychology-Law society. – Wash., D.C., 2015. – Vol. 39, Issue 1. – P. 23-34.

Data and statistics / World Health Organization, Regional office for Europe. – Copenhagen, 2016. – Mode of access: <http://www.euro.who.int/en/health-topics/noncommunicable-diseases/mental-health/data-and-statistics> (Дата обращения – 28.03.2017).

De Roy van Zuijdewijn J., Bakker E. Lone-actor terrorism: Personal characteristics of lone-actor terrorists: Policy paper 1 // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 5. – 12 p.

Ellis C., Pantucci R. Lone-actor terrorism: «Leakage» and interaction with authorities: Policy paper 4 // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 8. – 7 p.

European Union terrorism and situation trend report 2015 / Europol. – The Hague, 2015. – 52 p. – Mode of access: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2015> (Дата обращения – 28.03.2017).

Global terrorism index 2015: Measuring and understanding the impact of terrorism / Institute for economics and peace. – N.Y.; Sydney; Mexico, 2015. – 108 p. – Mode of access: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf> (Дата обращения – 28.03.2017).

IS promotes lone wolves as one-man armies, reports on Istanbul nightclub operation in Naba 62 // SITE intelligence group. – Bethesda, MD, 2017. –

05.01. – Mode of access: <https://news.siteintelgroup.com/Jihadist-News/is-promotes-lone-wolves-as-one-man-armies-reports-on-istanbul-nightclub-operation-in-naba-62.html> (Дата обращения – 28.03.2016. – По подписке).

Jihadist Telegram channel suggests attack methods, targets to lone wolves // SITE intelligence group. – Bethesda, MD, 2016. – 20.12. – Mode of access: <https://news.siteintelgroup.com/Western-Jihadist-Forum-Digest/jihadist-telegram-channel-suggests-attack-methods-targets-to-lone-wolves.html> (Дата обращения – 28.03.2016. – По подписке).

Kaplan J. Leaderless resistance // Terrorism and political violence. – L.: Routledge, 1997. – Vol. 3, Issue 9. – P. 80–96.

Lone-actor terrorism: Analysis paper / Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J., Bakker E., Gomis B., Palombi S., Smith M. // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 4. – 24 p.

Meloy J.R., Yakeley J. The violent true believer as a «lone wolf»: Psychoanalytic perspectives on terrorism // Behavioral sciences and the law. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2014. – Vol. 32, Issue 3. – P. 347–365. – Mode of access: http://drreidmeloy.com/wp-content/uploads/2015/12/2014_TheViolentTrue.pdf (Дата обращения – 28.03.2017).

Palombi S., Gomis B. Lone-actor terrorism: Attack methodology and logistics: Policy paper 2 // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 6. – 9 p.

Pro-IS group incites lone wolves in West to make holidays into days of «terror and blood» // SITE intelligence group. – Bethesda, MD, 2016. – 29.12. – Mode of access: <https://news.siteintelgroup.com/Jihadist-News/pro-is-group-incites-lone-wolves-in-west-to-make-holidays-into-days-of-terror-and-blood.html> (Дата обращения – 28.03.2016. – По подписке).

Protecting vulnerable people from being drawn into terrorism: Statutory guidance for Channel panel members and partners of local panels / HM Government. – L., 2015. – 30 p. – Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/425189/Channel_Duty_Guidance_April_2015.pdf (Дата обращения – 28.03.2017).

Spaaij R. Key issues and research agendas in lone wolf terrorism // Studies in conflict and terrorism. – Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis, 2015. – Vol. 38, Issue 3. – P. 167–178.

Spaaij R. The enigma of lone wolf terrorism: An assessment // Studies in conflict and terrorism. – Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis, 2010. – Vol. 33, Issue 9. – P. 854–870.

Staufenberg J. More than 200 refugee homes burned or attacked in Germany // Independent. – L., 2015. – 15.12. – Mode of access: <http://>

www.independent.co.uk/news/world/europe/germany-222-refugee-homes-burned-orattacked-arrests-a6763506.html (Дата обращения – 28.03.2017).

Williams M.J, Horgan J.G., Evans W.P. The critical role of friends in networks for countering violent extremism: Toward a theory of vicarious help-seeking // Behavioral sciences of terrorism and political aggression. – Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis, 2016. – Vol. 8, Issue 1. – P. 45–65.

Zarate J.C. Terror in Europe: Safeguarding US citizens at home and abroad / Center for strategic and international studies. – Wash., D.C., 2016. – 05.04. – 15 p.